

Анатолий Агарков

*О чем стоило
Займище*

Электронная версия

О чём стонало Займище

*Жизнь человека — борьба с кознями человека.
(Б. Грасиан)*

1

В том краю, где я родился, пальмы не растут. Но когда наступает лето, и распускают свои цветущие гроздья сирень и черёмуха, а над улицами плывёт хмельной, с ума сводящий запах, от которого даже убогие старушки начинают лукаво улыбаться, мы, пацаны, не завидуем собирателям кокосов. Нам хватает леса, полей и болота, что раскинулось от самой околицы до вдали темнеющего бора.

Оно полно чудес, наше Займище. По необъятным зелёным просторам вольно носится ветер. Он гоняет рыжие гривы камышей. Над ними парят коршуны, оглядывая зоркими глазами бескрайние пространства, тонущие в солнечной дымке. Золотятся под лучами тяжёлые стрелы рогоз, глубинные топи скрывают их вкусные побеги. Караси играют среди царственных кувшинок, пугая утиные выводки. Жарко пылает в синем бездонном небе солнце, зажигая слепящими бликами блюда плёсов. А по ночам низко висят над водой колючие алмазы звёзд, и плавный водят хоровод русалки, ступая босыми ногами по блестящим листьям кувшинок. Водяные сварливо бормочут, пересчитывая медяки, что собрали на дне или в карманах утопленников. И заросли камышей чудно отражаются в посеребряных луной водных зеркалах.

С самого раннего детства я полюбил тепло и ласку уральского солнца, колдовскую игру красок в воде, азарт открытий, которые поджидали меня в непролазных зарослях камышей, за каждым поворотом чистой воды. Там, где я родился, там прошли самые счастливые детские годы.

Ранним утром, щурясь от яркого света, любил я бегать по тропинке у воды. Роса холодила босые ноги. Из-под берега, заросшего осокой, взлетали утки. Замкнув круг, они

садились где-то на плёсах за стеной камыша. А до него от берега ровная и блестящая гладь воды взламывалась гагарыми дорожками и гнала к моим ногам пологие волны. Такие же волны разбегались кругами, если я бросал в воду камень.

Далёкий берег, заросший кустами тальника и кудрявым березняком, оставался в тени, откуда плыли клочья белого тумана, огнём вспыхивали на солнце и медленно таяли. Ещё дальше вольно, не теснясь, стояли могучие сосны. Вокруг них на земле лежали ершистые шишки. Босиком ходить под соснами не каждый решался - беличья радость больно колола ступни. Вечерами, когда солнце садилось, и в воздухе начинали звенеть комары, мы с пацанами жгли костры на берегу Займища, а я любил кидать сосновые плоды в огонь. Они ярко с треском вспыхивали, чешуйки сначала чернели, круто заворачивались, потом раскалялись, и шишка становилась похожей на сказочный огненный цветок. А потом мы выкатывали из огня печёную картошку, обугленную и такую ароматную, какой никогда не бывает дома. Ели и смеялись - нам было весело обжигаться и смешно от того, что рты и пальцы у всех чёрные.

Если бы взор мой в сполохах огня мог прозреть тайну будущего и предвидеть все трагические переживания, которые оно мне готовило, то, быть может, держался я подальше от Займища. Но возможно также, что счастливый исход, который должен был увенчать болотные приключения, не смотря, ни на что, повлёк бы меня вперёд. Ибо любовь к сильным ощущениям была мне не чужда. Но не приходилось выбирать между двумя этими альтернативами, так как будущее не открывал мне огонь костра. Только много позднее, когда прошло уже немало лет, и я, сидя перед весело потрескивающим домашним очагом, восстанавливал в своём воображении всю захватывающую картину своих приключений, я тогда понял, что ни за какую другую жизнь не расстался бы до

конца с этими неизгладимыми, дорогими для меня воспоминаниями.

2

Помню, как сидя на носу лодки из сосновых досок, которой правил отец, я жадно впитывал в себя дикую красоту болота, с его, почти тропической растительностью и блестящей, как зеркало, гладью плёсов, по которым мы скользили, подобно теням, под приглушённый плеск шеста. Моё сердце трепетало от радостного волнения, а восторженные глаза, готовые к ежеминутной встрече с небывалыми чудесами, ловили всякое движение. Вон лысухи с плеском побежали в камыши. Почти на каждом повороте прохода утки парами и в одиночку взлетали с воды, громко хлопая крыльями. Один раз я подскочил, увидав рыжую кочку, вдруг нырнувшую от протянутой моей руки.

- Ондатра, - подсказал отец за моей спиной.

Плавное движение воды за бортом производило впечатление, которое легко могло ввести в обман неопытного человека. В ленном спокойствии чудилось что-то очень грозное, наводящее на размышления. Легко можно было допустить, что на некоторой глубине сплелись чьи-то цепкие щупальца и терпеливо выжидали, пока найдётся такой безумный смельчак, который бросится в пучину, и которого они мигом потянут вниз, на самое дно. С большим волнением вглядываясь в толщу воды, чувствовал, что эта спокойная стихия таит в себе гораздо больше опасностей, чем двадцать самых бурных горных потоков, на которых, кстати, до сих пор ни разу не был. В тот миг мною владело чувство - точно не через борт лодки, а с края бездонной пропасти заглядывал я в неё.

В воде скользили облака и исчезали.

Заказать
полную
версию
произведения
МОЖНО здесь

http://anagarkov.ru/zakaz_form.php